

Ань, чего молчишь? Неосторожные шаги юности

Автор:

Анна Махлина

Ань, чего молчишь? Неосторожные шаги юности

Анна Николаевна Махлина

Жизнь с тираном. От болезненных отношений с зависимым человеком к новой любви

История молодой девушки, актрисы, блогера, жены и мамы. О поиске себя, о любви, разочарованиях и победах. И хотя на страницах книги – лишь образы прошедших дней, а историю можно считать автобиографичной лишь отчасти, попадает она в самое сердце.

Анна Махлина

Ань, чего молчишь? Неосторожные шаги юности

© Махлина А.Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1. Тень на румяных щеках

– Почему он смеется?!

– Кажется, его мама тоже.

* * *

Первый раз я увидела Диму на поступлении в театральный институт. Это был конец мая, разгар вступительных экзаменов. Каждый год все абитуриенты единой стайкой обивают пороги театральных вузов, мечтая стать студентами заветного актерского отделения.

Я сидела на ступеньках Щукинского училища вместе со своим другом, пытаюсь справиться с волнением. Парень, стоявший недалеко от нас, не скрывал своего веселья. Он стоял на бордюре под кроной молодой листвы, смело смотрел на меня и почему-то хохотал.

Мне было не по себе. Но несмотря на это, я успела внимательно разглядеть необычную внешность веселого юноши.

Чернобровый и смуглый, с очерченной линией скул. Пухлое и непослушное тело выдавало в нем недавнего ребенка. Уголки больших карих глаз были опущены вниз, как у Пьеро. Печальный взгляд удивительно сочетался с открытой и радостной улыбкой. Длинные ресницы бросали тень на румяные щеки. В глазах озорство и поволока. А еще я сразу заметила красивые, музыкальные руки.

– Наглый, – проворчала я, поднялась со ступенек и поправила платье.

– Ладно, не обращай внимания. Давай отойдем. – Друг взял меня под руку и отвел за угол здания, повторять прозу.

В следующий раз мы с Димой встретились уже в Щепкинском театральном училище, в июне. Это был конкурс. Я сразу узнала нахала, он меня тоже. Конкурс – это последний этап поступления. Финишная прямая. Тот момент, когда до гордого звания студента остается один шаг. Момент, когда слететь обиднее всего.

Настали часы томительного ожидания. Бесконечные минуты до того, как объявят итоговые результаты.

Все абитуриенты высыпали во дворик. Я нашла место в самом углу; в тени, тишине и спокойствии погрузилась в свои мысли и ждала, ждала, ждала. В это время мой знакомый нахал затеял игру в салочки, громко объявив, что он Олейник, а не Олейников – имя я еще не знала. Многие ребята подключились к игре и стали бегать сломя голову вокруг памятника Щепкину.

Олейник был самым активным. Я бы сказала, гиперактивным. Он носился по двору, громко улюлюкая, размахивая палкой и перепрыгивая урны и скамейки. Вдруг он увидел меня и понесся в моем направлении. Я вся сжалась, не зная, чего ожидать. Он резко остановился возле меня и с серьезным лицом сделал паузу. А потом внезапно скорчил рожу, оттопырил уши, высунул язык и снова убежал. Ну ты вообще, Олейник.

* * *

Распахнулись старинные двери училища. Быстрым шагом во двор вышла худенькая, молодая женщина. В ее руках – список. Заветный список поступивших в театральный институт им. М. С. Щепкина.

Толпа абитуриентов плотным кольцом окружила женщину со списком. Парни в выглаженных рубашках, обувь блестит, девушки в нарядных платьях и туфлях на невысоком каблуке.

– Ребята, шаг назад. Чьи фамилии сейчас прозвучат – поздравляю! Вы – студенты нашего института. Остальным спасибо.

Пауза. Тишина. Из окон аудиторий высунулись студенты. Слышно лишь чирикание птиц и шелест листвы. Тяжело, душно. Кто-то закурил. Кажется, еще чуть-чуть – и сердечный приступ.

Женщина объявляет первую фамилию:

– Лукин!

Толпа взрывается радостным гомоном. Лукин вскидывает руки, снимает пиджак и несется вокруг памятника Щепкина со счастливым ревом. Кто-то выкрикивает:

– Первый пошел!..

Женщина продолжает перечислять фамилии. Поступившие рыдают, опускаются на колени, кидаются в объятия друг друга, плачут и смеются.

– Новоявленский, Михайлова, Олейник...

Олейник закидывает в рот сигаретку и с уверенной ухмылкой чиркает о колесико зажигалки. Тяжелые ладони дружески похлопывают его по плечу.

Список подходит к концу.

Остается несколько фамилий.

– Леденцов, Абрамкина, Махлина...

Я окаменела. Не слышалось ли?..

Абрамкина подсакивает ко мне и крепко обнимает. Все словно в замедленной съемке.

– Аня! Мы поступили! Поступили! Веришь, нет?!

Я молчу. Абрамкина трясет меня за плечи:

– Аня, слышишь?! Мы с тобой поступили!!! Будем вместе учиться!

У меня в голове одна мысль: меня выбрали. Щиколотки дрожат, каблук стучит об асфальт. Уже потом с радостными возгласами я буду теряться в коридорах училища, обзванивая близких.

А сейчас:

– Список завершен. Студенты, за мной. Всем остальным спасибо.

Худенькая женщина толкает тяжелую дверь, приглашая новобранцев за собой. Мы переступаем порог училища в шаге от нового, гордого звания – студенты.

Оставшиеся за чертой ребята растерянно провожают взглядом счастливую толпу. Слететь на конкурсе, в одном шаге от мечты, – горькое разочарование. Двери закрываются. Начинается новая жизнь.

* * *

Вечером новоиспеченные студенты курса Виктора Ивановича Коршунова пошли на Трубную улицу отмечать. Я не хотела идти, стеснялась, но ребята настаивали. А еще утром следующего дня с Ленинградского вокзала отправлялся поезд «Москва – Санкт-Петербург».

Я была счастлива поступить в Щепкинское театральное училище. Но мысль сбежать из дома и учиться в Питере меня не покидала. В СПбГАТИ я тоже дошла до финала вступительных экзаменов, оставался последний этап. Поезд отправлялся рано, мне нужно было выспаться.

Когда я оказалась на Трубной, там уже вовсю шло веселье. Мне сразу же налили в пластиковый стакан сладкое вино:

– Залпом два стакана! Штраф за опоздание!

И я выпила. Раньше, самое большее, я делала глоток шампанского на семейном празднике. Голова сразу же пошла кругом. Передо мной стояли два парня: один в розовой футболке, другой в голубой. Кто-то из них был Олейник, но картина мира смазалась, и два радостных лица слились в одно. Кто из них кто, я не понимала.

Вот я стою у дерева, а кто-то признается мне в любви. И наливает еще. И снова признается в любви. Вот я лежу на скамейке, на коленях у однокурсника. Сколько времени? Где мой телефон? Как добраться до дома? Не знаю... Сил думать об этом нет. Хочется спать.

Светало. Открываю глаза, один однокурсник несет меня на руках, другой идет рядом. Узнаю знакомые места: кажется, мы совсем рядом с домом... Ребята

догадались позвонить моей маме и узнать адрес. Снова засыпаю. Голова болит.

Слышу мамин голос:

– Спасибо, мальчики.

Меня опускают на землю. Парни прощаются, идут в сторону метро. Мама берет меня под ручки и ведет к подъезду. Едем в лифте:

– Мам, у меня поезд...

– Какой поезд, Анюта! Спать!

Меня ждала свежестеленная кровать. Графин с водой и кружка на тумбочке. Мама накрыла меня одеялом, и я сразу заснула. Просыпаюсь, чувствую себя плохо...

Мама приносит мне огуречный рассол.

– Мне так плохо...

– Это называется похмелье.

– Кажется, не судьба мне учиться в Питере?..

– Не судьба!

Глава 2. Высокий бородатый боксёр

Первый раз N написал мне в июле, отправил сообщение «ВКонтакте». Поздравил с поступлением и позвал гулять. Я поняла, что это студент Щепки, и согласилась. Он понравился мне по фотографии, до этого я N не видела. А может быть, и видела на поступлении, но не помню.

Мы договорились встретиться у памятника Пушкину. Договориться – легко, а встретиться – страшно.

Наступил день встречи. Я не думала о том, что иду на первое свидание, но готовилась так, словно это было оно. Мне хотелось быть неотразимой! Как назло, на подбородке выскочил прыщ, и я никак не могла его замазать и сделать незаметным. Я долго крутилась перед зеркалом, истерила, смывала макияж, меняла одежду, психовала снова.

Кроме того, что я социофоб, я еще плохо ориентируюсь на местности. Другими словами – топографический кретинизм в острой форме. Выйдя из метро, я поняла, что не соображаю, где находится памятник. И это коренная москвичка! Спросить у прохожего – вариант не для меня.

Звонить N? Нет, это слишком. Напишу смс.

Нашлись. Я увидела N вдалеке и едва справилась с желанием бросить все и рвануть домой. Но было поздно. Я увидела эти огромные голубые глаза и... Мой корабль пошел ко дну.

* * *

N купил себе две бутылки пива, и мы пошли в парк.

Он бесконечно курил, казался холодным и недоступным.

Я воспринимала прогулку не как свидание, а как дружеское общение. Подозревала даже, что это задание педагогов: старшекурсников обязали приглашать новеньких гулять, чтобы настраивать на плодотворную учебу.

N задавал много вопросов. Я отвечала. За несколько часов он узнал про меня все, а позже начал рассказывать о себе.

Подумать о том, что этот парень-мечта может стать моим, я не могла. Даже мысль такую было неловко допустить. Куда мне, первокурснице.

Вдруг мне подумалось, что я уже давно надоела N, и он, как интеллигентный человек, не знает, как со мной распрощаться.

– Я, наверно, домой поеду.

– Почему?

– Пора...

– Ты торопишься?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

– Мама ждет.

– Я тебя провожу.

– Хорошо.

* * *

Странное обстоятельство было в тот день. За сутки до встречи с N я завершила романтические отношения с одним парнем. Хорошим, добрым парнем. Между нами, как мне казалось, не было никаких обязательств. Несмотря на это, прервать связь было тяжело.

Мы стояли на лестничной клетке моего дома, и я сказала ему, что нам больше не стоит видеться. С отчаянием он вырвал у меня из рук телефон, прочитал переписку и все понял. Понял, что я иду с кем-то гулять. Из этих сообщений он узнал и место встречи с N. Я попыталась объяснить, что это лишь прогулка, а мы с ним продолжим дружить, как и раньше, давно, когда не перешли границу.

Парень дернулся с места и убежал вниз по лестнице, с девятого этажа, обойдясь без лифта.

Утром он позвонил. Я собиралась на встречу и не хотела брать трубку. Но он звонил снова и снова, и когда я наконец-то ответила на звонок, сообщил, что его забирают в армию. И что нам необходимо встретиться и попрощаться. Я отказывалась, но он напомнил, что знает станцию метро, где я буду через пару часов, и будет там ждать.

И он действительно был там и ждал. Я помню его глубокий, печальный взгляд. Трогательный воротничок рубашки, смешные джинсы. Помню немой вопрос: «Почему?..» Сердце сжималось, но у меня не было ответа. Подъехал поезд. Он зашел в вагон и сказал:

– Двери сейчас закроются. У тебя есть мгновение, чтобы решить, что ты со мной.

Я осталась стоять на перроне. Двери захлопнулись, поезд тронулся.

* * *

У меня были догадки, что юноша выдумал эту историю с армией, чтобы как-то отвлечь меня, остановить. Позже я узнала, что так и было.

* * *

Н купил себе еще пива, и мы поехали домой.

В метро он много молчал и просто смотрел на меня. Я тоже смотрела на него, иногда забывалась, впадала в какой-то транс и не отводила взгляд, словно «ныряла» в человека и что-то про него понимала. Парень задумчиво улыбался.

В вагоне было тесно, много людей и все толкались. Н поставил меня в угол у стеклянной двери между вагонами и сказал держаться за его плечо. Я держалась и чувствовала, как он напрягает бицепс.

Отвернувшись, я посмотрела за стеклянные двери примыкающего вагона. И увидела мертвенно-бледное лицо парня, с которым прощалась утром, стоя на перроне.

* * *

Мы шли домой от дальней автобусной остановки. N был немного пьян. Вдруг он остановился посреди улицы, обхватил мое лицо руками и поцеловал. Прохожие оборачивались и качали головами.

В тот момент я подумала, что он целуется слюняво, как мопс. А еще, что после такого страстного поцелуя у меня наверняка стерся весь тональный крем с подбородка и мой прыщ выглядит совсем ужасно.

* * *

Мы пошли к дому. По дороге N начал расспрашивать о моих прошлых отношениях. Я говорила все честно, как на духу. N нужны были подробности. Мы подошли к подъезду. N свирепел. Я не понимала, почему.

Он сказал:

– Зная это, я не могу с тобой дальше общаться.

Я испугалась. Молча развернулась и пошла домой. Не успела открыть дверь квартиры, N позвонил. Я взяла трубку.

– Извини. Спустишь, пожалуйста.

Я снова вызвала лифт и поехала на первый этаж. N ждал меня у входа в подъезд. Когда я вышла, он прижал меня к себе и поцеловал. Потом взял меня за руку и повел. Мы шли в зеленой листве, под окнами моего дома со стороны двора. Останавливались и целовались снова. А потом N попросил мой телефон. Я дала, не понимая зачем. А он взял и позвонил тому парню, про которого я ему рассказывала. Он выражался грубо и нецензурно, но суть разговора была такова:

– Але. Приблизись к Ане – убью.

Мои чувства были смешанные. Страшно, неизведанно. Меня накрыла нега, тягучая эйфория. В этом было что-то зловещее. Словно болото, которое затягивает в трясину, но если закрыть глаза – тепло, хорошо, мягко.

Я не понимала, что со мной происходит, и думала про себя: как странно... мне не хочется, чтобы все закончилось. Я хочу остаться рядом с этим парнем. С таким сильным, резким и притягательным одновременно. Остаться в этом новом, душном мире, так неожиданно и скоро окутавшем всю меня полностью.

* * *

После нашей встречи с N я пришла домой и сказала маме:

– Он высокий бородатый боксер.

И уплыла к себе в комнату.

Информация не исчерпывающая, но мама все про меня поняла.

* * *

Скоро мы увиделись снова. Сидели на скамеечке в парке, N пил пиво и приставал. Я отстранилась, вытерла губы и застегнула рубашку. Он сказал:

– Хочу, чтобы ты знала: я очень ревнивый. Очень. Ревнивый.

– Поняла...

А потом я уехала с мамой в Крым. Отдыхать перед учебным годом.

Глава 3. Там вдалеке дельфины. Видишь?

Я была худая и капризная. Вступительные экзамены вымотали меня физически и душевно. Весь отдых мама терпела мои переменчивые настроения и усиленно кормила в местном кафе.

Мне хотелось обратно в Москву, встретиться с N. Все мои мысли были заняты только им, мы бесконечно переписывались. Я получала от него романтические письма и перечитывала их много раз на дню. Никакого дела до южного воздуха, чистого моря и красивых камешков на берегу мне не было. Не хотелось ни загорать, ни купаться.

Я ела в местном кафе, вынужденно читала список литературы к новому учебному году и мечтала о встрече с N. Так проходил мой отдых.

Однажды мама уехала на экскурсию, а меня с собой не взяла. Она очень просила, чтобы я хоть на полчаса вылезла из своего панциря и сходила к морю. Я пообещала.

Дочитав очередную повесть, я надела шляпу с полями, длинную рубашку и отправилась на пляж. Мне не хотелось подходить к воде, и я просто стояла на каком-то каменном островке, опершись на перила, и смотрела за горизонт. Летали и кричали чайки, дети бесились в море, прыгая с надувных матрасов, пахло вареной кукурузой и водорослями.

Вдруг я поняла, что рядом со мной, также опершись на перила, стоит какой-то красивый мальчик лет двенадцати. Загорелый, худенький, с белыми выгоревшими волосами и слишком синими глазами на смуглом лице.

– Смотри, там вдалеке дельфины. Видишь? – спросил он.

– Не вижу... – ответила я.

– Ух, смотри, как выпрыгивают! Да ты не туда смотришь, вон! – Мальчик показал рукой правее.

– И правда!

Мы стояли и смотрели на дельфинов. Потом мальчик повернулся ко мне и сказал:

– Я за тобой уже несколько дней наблюдаю. Ты такая красивая, моя мечта. И волосы мне твои нравятся. Я – Артем. А тебя как зовут?

– Аня.

Артем разжал ладошку, в ней был камешек в виде сердечка. Это было очень трогательно. Я поблагодарила и взяла камешек. Мальчик снова задал вопрос:

– Сколько тебе лет?

– 18.

– Ой, извините. Я думал вам меньше. – Мальчик резко перешел на «вы».

– Ничего страшного! – улыбнулась я.

– Тогда у нас вряд ли что-то получится?

Я не знала, что на это ответить, и перевела разговор на другую тему:

– С кем ты отдыхаешь?

– С братом и его женой. Вон они, внизу. Жена беременна, поэтому я расчистил вход в воду от камней, чтобы ей было удобно заходить. Вы тоже можете пользоваться.

– Спасибо.

– Пойдем, познакомлю тебя. – Мальчик снова перешел на «ты».

Мне было неловко отказать и пришлось идти знакомиться. Увидев меня, молодые приветливые ребята добродушно улыбаясь, протянули руки для рукопожатий.

С отдыха я привезла несколько камней в виде сердечек.

Глава 4. Дядечка

Вернувшись, я сразу встретилась с N. Разлука сделала из нас героев любовного романа, жаждущих встречи так, словно прошло не десять дней, а целая вечность.

Если до моего отъезда N умел казаться жестким и недоступным, то сейчас он стал совсем другим: трогательным и наивным. Этот контраст сводил меня с ума. N смотрел на меня восторженно и вопросительно, обращался трепетно и нежно, словно боялся спугнуть. Сколько бы часов мы ни проводили вместе, гуляя по паркам, нам было мало.

И тогда мы решили уехать. Туда, где сможем быть вместе сутки напролет. Мы поехали на дачу к моей бабушке.

* * *

Наш роман стремительно набирал скорость.

Мы собрали вещи, сели на электричку и через час были в Подмоскowie. В магазине у станции купили бутылку вина и пошли к дому.

Путь до места лежал вдоль рельсов. Душный летний воздух пах железной дорогой, мелкие мошки то и дело залетали в глаза и нос, провода потрескивали. Мою маленькую руку крепко сжимала большая теплая рука. Мир казался камерным и безопасным.

Вдруг я одернула N и потянула за локоть. Он послушно остановился. Я взяла его за плечи и развернула к себе лицом. Нырнув в его огромные голубые глаза, я замерла. Мне нужно было смотреть и смотреть, не шелохнувшись, долго, минуту за минутой. N наклонился ко мне для поцелуя, но я отстранила его.

– Почему ты так смотришь на меня? – спросил он.

– Изучаю.

– Ты что-то поняла?

– Да. Я поняла, что ты дядечка.

N улыбнулся:

– Хорошо. Я твой дядечка.

С тех пор я называла его так.

Дядечка.

* * *

Наша поездка на дачу была омрачена тем, что в первый же вечер я отравилась вином, купленным на станции. N видел меня не в лучшем виде – слабой и беспомощной. Мне было неловко. Я даже просила его уехать, но он не хотел об этом слышать и оставался рядом.

Я приходила в себя, много лежала. Постепенно шла на поправку и стала выходить из дома, гуляя по саду. Пока я болела, N успел расположить к себе мою бабушку, выполняя ее дачные поручения.

Сначала бабушка отнеслась к N настороженно, но теперь души в нем не чаяла. Он покорила ее трогательной заботой обо мне и безотказностью в исполнении просьб.

Вечером мы закрывались на чердаке. Это было место наших тайн. Мы лежали на старой двуспальной кровати и молчали. Сердца ликовали от близости и нежности, существовавшей между нами. Его волосы пропахли дымом и костром, я любила зарыться в них и вдыхать этот летний запах вперемешку с фруктовым шампунем.

Странно, но мы почти не называли друг друга по имени. Он называл меня малышкой. Я его дядечкой. Однажды он встревоженно сел на кровати, опустил голову и закрыл лицо руками.

– Что с тобой, дядечка?..

Н молчал. Я села рядом, осторожно отняла руки от лица... И увидела, что он тихо плачет. Мне стало невыносимо тоскливо. Я не могла спокойно смотреть на это и закричала:

– Дядечка, не молчи! Ты пугаешь меня! Скажи, что случилось?

Н прижал меня к себе. А потом целовал мои руки, смотрел как-то странно, будто испуганно. Я не понимала... Он хотел что-то сказать, но не мог. Начинал, но прерывался и снова целовал. Это было похоже на приступ.

Он остановился и шепотом сказал:

– Я боюсь...

– Чего?..

– Я боюсь, что ты уйдешь от меня.

Н положил голову мне на колени, я гладила его волосы и шептала:

– Никогда, что ты. Никогда, дядечка...

* * *

Н не соврал, говоря о том, что очень ревнивый. И с каждым днем я все больше в этом убеждалась. Я должна была принадлежать ему и только ему. И поначалу мне это нравилось.

Как-то вдруг пароли от моих социальных сетей и личные переписки стали доступны нам обоим. N контролировал все мои звонки и сообщения. Его ревность была в высшей степени необоснованна.

Первыми в немилость N попали мои немногочисленные друзья мужского пола. Доступ к общению с ними был закрыт. Если это я еще могла объяснить, то недоверия к моей единственной близкой подруге понять не могла. Он не хотел, чтобы мы дружили. Надо понимать, что моя подруга – совершенно безобидное существо. Позже N стал ревновать меня и к моей собственной семье.

Учебный год еще не начался, а без того узкий круг общения уже был сведен до минимума.

N ревновал болезненно, жгуче. Часто спрашивал:

– Ты моя?

И я из раза в раз терпеливо повторяла:

– Твоя.

Я была предана этому мужчине всем своим существом.

Такие строгие ограничения в общении приводили меня в недоумение. У меня и так не было потребности в дополнительных контактах и новых знакомствах, не говоря о тусовках и вечеринках. До них мне вовсе не было дела.

А еще N мечтал, чтобы я набила татуировку с его именем у себя на запястье.

Мне казалось, что рядом со мной у N получится победить это неприятное и мучительное для нас обоих свойство его характера. Я верила, что смогу поселить в его сердце уверенность в моей верности. Просто нужно время.

Глава 5. Крабовые палочки с майонезом

Август. Моя подруга Кира зовет меня в гости. Так вышло, что она совсем одна в незнакомой квартире, которую снимает у какого-то байкера. Мы давно не виделись и соскучились. Н трудно принять, что я могу соскучиться по кому-то, кроме него. Он запрещает мне ехать, и мы сильно ссоримся. Шантажирует меня и говорит гадости:

– Знаю я таких подружек! Напьетесь, потом к вам зайдет какой-нибудь байкер и хей-хей, вечеринка удалась.

– Да что ты такое говоришь...

– Поедешь, обо мне забудь.

– Поеду. Но о тебе не забуду.

Я пытаюсь сохранять спокойствие и продолжаю собираться.

– Чего тебе не хватает, скажи?! – кричит N.

– Мне всего хватает. Я просто хочу пойти к подруге, мы давно не виделись. Мы просто тихо посидим вдвоем, и утром я приеду.

– На хрена оставаться на ночь?!

– У нас так еще со школы принято. Хорошо, в этот раз я не останусь и приеду вечером, чтобы ты не волновался.

– Мне нужна та, которая будет меня любить и не будет врать.

– Ты меня нашел.

– Ты делаешь мне больно. Я не могу тебя отпустить.

N начинает часто дышать.

– Кажется, начинается... – говорит он сдавленным шепотом.

– Что начинается?

– Паническая атака.

Всегда, когда N запрещал мне куда-то идти, а я не слушалась, он выдумывал болезнь. Он мог силой мысли поднять себе температуру, вызвать отравление, паническую атаку, однажды я даже поверила, что у него свинка.

В тот день у подруги я все-таки оказалась.

* * *

N понял, что дома я не останусь. Он проводил меня до самого подъезда, и ближе к вечеру я была у Киры.

Она ждала меня в старой квартирке на окраине Москвы. Маленькая кухня, желтые стены, одинокий диван. Ужином были крабовые палочки с майонезом и сладкий чай. Мы нашли несколько картошин, сварили их и ели с солью. Не изыски, но нам было вкусно.

Из старенького радио с шипением доносились слова песни группы «Фактор-2»:
«И вообще, что ты делаешь и что ты вытворяешь...»

Мы болтали, хохотали. Прошло пару часов, как на улице кто-то заорал:

– Малыш! Малыш, выходи!

Под окнами стоял N. Мне показалось, что он пьян. Все это время он ошивался где-то рядом.

* * *

Я рассердилась. Мне было неловко перед подругой, я не хотела, чтобы она стала свидетелем конфликта.

N продолжать кричать. Звать его к нам? Когда он пьян, то становится агрессивным и непредсказуемым. Спуститься? Поеду домой... Игнорировать? Соседи вызовут милицию. Я вышла во двор, надеясь договориться с парнем.

У N были пьяные глаза. Они всегда сразу выдавали его даже после бутылки пива. Я примерно понимала, сколько он выпил.

N стал меня целовать, а я не люблю эти пьяные поцелуи... Я брезгливо оттолкнула его и вытерла рот.

– Противно тебе, да? Скажи, противно?!

– Мне неприятно, что ты все это время караулил меня у дома, как будто подозревал. И мне неприятно, что ты перебрал.

– Я понял. Дай мне пять минут, и я буду трезвый как стеклышко.

N стал приседать, отжиматься и с рычанием носиться по детской площадке. Из окон выглядывали люди. Кто-то крикнул:

– Але, потише будь!

N легко свирепел. Для драки нужен был только повод. Он остановился, поправил куртку и подошел к окну.

– Не надо, N...

– Ты че, попутал, дядя?!

Кричащий мужчина в майке-алкоголичке молча закрыл окно и исчез. Я испугалась, что он сейчас выйдет разбираться с N и будет драка. Нет. Мужик просто удалился спать.

N протрезвел. Мы сели на скамейку у подъезда. С того момента, как я вышла из Кириной квартиры, прошел уже час. Я спросила:

– Какой сегодня повод, чтобы выпить?

– Прости, малыш.

Я хотела поскорее забрать от Киры свой рюкзак и поехать домой. Вечеринка расклеилась. Вдруг N встал на колени:

– Ой, не надо этого. Встань. Я прощаю.

– Выходи за меня.

Я опешила.

– Чего ты молчишь?! Ты согласна или нет?!

N смотрел преданно и виновато. Мне совсем не хотелось ему отказывать, но мы были знакомы лишь два месяца. Хоть и казалось, что всю жизнь. Его предложение я не восприняла всерьез.

– N, но мы так мало знакомы!..

– Брось! Это не имеет значения! Да или нет?!

– Да...

– Прямо сейчас идем в ЗАГС.

– Он закрыт. Ночь на дворе, кто нас распишет!

– Мы будем стучать! Мы будем барабанить, что есть силы!!! – Разгоряченный N подхватил меня на руки.

– Отпусти! У меня нет с собой паспорта! Все закончится тем, что нас заберут в милицию! – смеялась я.

Мы кружимся и хохочем, я замечаю пухлую женщину с пухлой собакой, которые смотрят на нас, стоя неподалеку. В окно выглядывает Кира и кричит:

– Ань, куда пропала?

– Минуту! Сейчас поднимусь.

Я замерзла. Ночи в августе прохладные и пахнут осенью. N грел мне руки со словами:

– Ты – моя. С головы до ног – моя. Ты сказала «да». Прошла проверку. И теперь никуда от меня не денешься. Мы вместе навсегда, на всю жизнь.

Мы забрали рюкзак, сели в такси и поехали домой.

С тех пор N взял привычку время от времени называть меня женой, хотя о свадьбе не было и речи.

Глава 6. Стою в сторонке со своим букетом

Я робею. Всегда и везде. Даже когда захожу в автобус. Новый коллектив для меня тяжелое испытание.

* * *

Наступило 1 сентября. Нужно было ехать в институт, но мне было ужасно страшно. Чтобы не так сильно бояться, я открыла на кухне потайной шкафчик, достала полулитровую бутылку водки и, зажмурившись, выпила стопку. А может быть, две. Я не знала, принято ли дарить цветы педагогам в высшем учебном учреждении, но на всякий случай купила розы. И поехала.

Дворик Щепкинского училища был полон счастливыми студентами, педагогами, выпускниками и другими работниками. Вот бы нырнуть в эту праздничную атмосферу! Но я не могу. Я стою в сторонке со своим букетом и смотрю на все

из-за куста. Вдруг откуда ни возьмись передо мной выпрыгивает дяденька с фотоаппаратом. Щелк! Делает снимок. Через несколько минут ко мне подходит девушка с диктофоном:

– Можно взять у вас небольшое интервью?

Первая мысль: «Меня с кем-то перепутали». Но девушка настойчиво повторяет:

– Ответите на пару вопросов? Это не займет много времени.

Я неуверенно киваю головой:

– Да, конечно...

Заплетающимся языком я, кажется, несла какую-то пургу. А через месяц мне передали журнал с моей физиономией на обложке. Журнал назывался «Студенческий меридиан». Мне было очень неловко, но приятно.

* * *

Пока я давала интервью, мой курс пропал из виду. Меня накрыла паника, но рядом оказался N:

– Ты чего тут стоишь? Твоих уже забрали педагоги, они в первой аудитории.

Первая аудитория – это сцена и зрительный зал. Я знаю, где он находится, но идти туда одной страшно. N провожает меня. Я успеваю забежать перед закрывающейся дверью. Чуть не плачу от страха.

Захожу в аудиторию, сажусь на последний ряд зрительного зала, в самом темном углу. Там я буду прятаться весь первый курс.

На собрании педагоги поздравили нас и рассказали о том, как будет построено обучение в первый семестр. Все это время я думала о том, куда деть букет. Весь день я таскалась с этими розами, но так и не поняла, кому их дарить.

Когда собрание закончилось, и все педагоги вышли, я быстро, чтобы никто не заметил, положила букет на стол, стоящий у стены. Избавилась от ноши, выдохнула и со всех ног побежала прочь из института. N уже ждал меня у выхода.

Мы были дома, когда вечером того же дня мне позвонил однокурсник:

– Ань, а ты знаешь, что мы сегодня всем курсом собираемся на Трубной? Приезжай, будет весело. Познакомимся и хорошо проведем время.

– Хорошо!.. – Приветливый голос подействовал на меня убедительно. Мне было страшно, но я решила ехать. N эта идея не понравилась. Он разозлился и стал говорить, что я никуда не поеду. Несмотря на это, я стала собираться: сделала макияж и прическу, выбрала красивый наряд. Я не могла поверить, что он серьезно намерен удержать меня дома. N обиделся и перестал со мной разговаривать. Потом посыпались угрозы. Я не реагировала. А за 15 минут до выхода у N поднялась температура 38, начался жар. Как он это сделал, я не знаю. Мне пришлось остаться дома, лечить беднягу. Иначе я была бы предателем.

Глава 7. Я чья-то!

В театральном институте начались занятия. Я хочу быть актрисой, но не могу зайти ни в одну аудиторию. Боюсь. N везде водит меня за ручку, и только этим я спасаюсь. Ему это нравится. Ведь так ни у кого не остается сомнений, что я чья-то. Мне тоже нравится, ведь самый классный парень в институте, бородатый четверокурсник с бутылкой виски в кармане так красиво ухаживает за мной у всех на виду.

Если я опоздала, дверь аудитории уже закрыта, а N нет рядом, то лучше пропущу пару, чем тихонечко проскользну на свободное место.

А вдруг человек не хочет, чтобы я сидела с ним рядом? А вдруг это место занято, просто человек отошел в туалет? Преподаватель наверняка меня отругает, засмеет или что-нибудь пострашнее. Накричит и выгонит. При всех. И тогда я

точно умру от стыда. Мне страшно даже здороваться. Вдруг человек вовсе не хотел, чтобы я его отвлекала своим «привет» или робким «здравствуйте».

N знает о моих страхах и почти всегда сам, лично, приводит меня на пару. Если я опоздала, он взглядом извиняется перед преподавателем и сажает меня на свободное место. Педагоги не понимают, что происходит: знакомый им четверокурсник приводит на пару испуганную девочку, которая цепляется за его локоть. Уходя, N прикладывает ладонь к груди, как бы извиняясь перед педагогом за такое обстоятельство. На моих однокурсников N смотрит грозно.

В институте есть студенческое кафе. Но я там не ем. Я запираюсь в кабинке туалета, сажусь на крышку унитаза и обедаю. Там мне уютно. И безопасно. Главное, пережевывать еду беззвучно, чтобы никто из зашедших в туалет девочек не услышал мои причмокивания.

Я не хочу, чтобы кто-то видел, как шевелится мой рот во время принятия пищи. В этот момент я кажусь себе неэстетичной, похожей на голодную кошку. Кроме того, меня пугает, что в кафе всю еду нужно ставить на поднос. Я стопроцентно уроню этот поднос. И это будет позор. Ведь, скорее всего, мой суп запачкает обувь важного профессора, а сладкий компот сделает пол липким, и все будут меня проклинять.

Иногда я обедала в ресторане «Япоша» неподалеку. Покупала бизнес-ланч за 195 рублей. Студенты там почти не бывали, и я спокойно могла поесть.

* * *

Учебный год начался плохо. Педагоги узнали о моем романе с N, и им это не понравилось. У N была не самая лучшая репутация: драки, выпивка, дебоширство. Он успевал хорошо учиться и играл главную роль в дипломном спектакле. Мои преподаватели волновались, что N будет отвлекать меня от учебы.

Однажды один из педагогов курса в прямом смысле слова прижал нас к стенке и сказал:

– Оставь девочку в покое. Дай ей нормально учиться. А ты зачем в институт пришла? Романы крутить? Прекращайте, плохо кончится.

Мы ничего не ответили, молча ушли. Такое вторжение в личную жизнь рассердило меня, настроило враждебно. Сейчас я понимаю, что это участие со стороны педагога было небезразличием к моей судьбе.

* * *

В чем-то педагоги были правы: N действительно отвлекал меня, и все мои мысли были заняты нашими отношениями. С другой стороны, если бы не он, мне было бы очень трудно даже появляться в институте из-за моей социофобии.

То, что я нелюдима, нравилось N. Я ни с кем не водилась, не проявляла инициативу в общении, не поддерживала разговоры – в силу характера или психологических особенностей.

Глава 8. Огромный чёрный шкаф

Комната, в которой обитают студенты театрального института, называется каптерка. У каждого курса она своя. Там студенты переодеваются, хранят костюмы, личные вещи и просто проводят время.

У каждого студента есть свой собственный шкафчик. У каждого шкафчика – ключ. Ключом пользуются по желанию.

В самом начале года ребята распределили эти шкафчики между собой, но мне почему-то не хватило.

Это неудивительно. Я долго боялась даже заходить в каптерку, мой шкафчик заняли. Но вещи-то надо складывать, а некуда.

N узнал про это и очень разозлился. Он нашел где-то огромный черный шкаф, написал на нем фиолетовой краской мою фамилию и притащил в нашу каптерку.

Несомненно, шкаф смотрелся грандиозно и даже устрашающе.

– Кто тронет Анин шкаф, тому несдобровать, – обратился N к моим опешившим однокурсникам.

Предмет мебели был установлен слева от входа.

* * *

С этим шкафом была связана нехорошая история. Однажды ко мне подошла однокурсница Рита и спросила разрешения занять нижнюю полку в моем шкафу. Полка была свободна, и я, конечно, разрешила.

Почти весь наш курс проходил практику, играя небольшие роли в спектаклях Малого театра.

Нежданно-негаданно произошло ЧП. На весь институт гремел скандал! Из Малого театра пропало платье. Стоившее больших денег, историческое, занятое в одном из ведущих спектаклей. Как раз в том, в котором участвовал наш курс. Доступ к костюмерной был только у сотрудников и актеров театра.

Прошло время. Платье так и не нашли, ситуация замялась.

Я была в каптерке одна, собиралась идти домой. Открываю шкаф, а из него, с той самой нижней полки, из черного пакета выкатывается шикарное театральное платье! И я понимаю, что это – оно...

В этот момент заходит кто-то из однокурсниц и видит испуганную меня и то самое, пропавшее платье.

Напряженная пауза. Я в ужасе говорю:

– Это не я...

Убеждать не пришлось, это было очевидно. Я подумала, что Рита хотела меня подставить. Мало верилось в нелепое совпадение, но кто знает, возможно, это и

правда была случайность. Можно предположить, что расчет был на то, что каптерки будут обыскивать и найдут платье в моем шкафу. За это сразу же исключение. Либо это была вселенская глупость и недалекость однокурсницы, без злого умысла... Тем не менее я негодовала.

В каптерку завалились ребята, полкурса точно, в том числе и Рита. Я подошла к ней и спросила:

– Зачем ты спрятала платье у меня в шкафу? – Рита выпучила глаза и расхохоталась. Ей было нечего ответить. И моего грозного вопроса она не боялась. Девушка скорчила гримасу и, пародируя мою интонацию, передразнила:

– Затем ти сплятала мае пъятие у мяня в ськяфу?!

Мой социофоб то ли заснул, то ли, наоборот, вырвался наружу. Я крикнула:

– Сволочь!!!

– Чтоооо?! Да пошла ты!

Я стала выкидывать все вещи из своего шкафа в коридор и кричала:

– Ноги моей тут больше не будет! Не хочу жить с ней в одной каптерке! Гадина!!!

Рита бросилась на меня, чтобы поколотить, я стала обороняться и оказалась проворнее, вцепившись в гриву ее волос. Однокурсники в шоке наблюдали за происходящим. Стало понятно, что дело пахнет жареным, в пекло драки ринулся Дима Олейник. Он попытался нас растащить, при этом заливался от смеха, чем злил меня еще больше. Наконец-то нас удалось разнять. Я сидела, взъерошенная, у стены коридора. Ребята складывали мои вещи обратно в черный шкаф. Рита сидела у другой стены и метала в мою сторону злобные взгляды.

Никого не исключили и не уволили. Повезло. А через полгода мы с Ритой подружимся.

Глава 9. Панельная девятиэтажка и мы

Я жила на последнем этаже простой панельной девятиэтажки Москвы. Жила вместе с мамой, 12-летним братом, сестрой-старшеклассницей, собакой, котом, двумя морскими свинками и рыбками. Папа с бабушкой жили на два этажа ниже.

Н стал часто ночевать у меня. В нашем распоряжении была самая большая комната. Нам захотелось сделать в ней ремонт своими силами. Я ужасно не любила обои в комнате, они были усыпаны китайскими иероглифами. До 8 класса я училась в школе с изучением китайского языка. Язык мне не давался, но это еще полбеды. В школе надо мной жестоко издевались. И из-за этих воспоминаний смотреть на иероглифы было тяжело, они вызывали нехорошие ассоциации.

Снявшись в эпизоде в сериале, я заработала немного денег. На эти деньги мы с Н купили чудовищные бумажные обои салатового цвета, самые дешевые. Кое-как мы их наклеили. И я с ужасом поняла, что иероглифы все равно просвечивают сквозь дешевую бумагу.

И тогда я решила обшить стены черным спанбондом. Спанбонд – материал, которым накрывают грядки для хорошего урожая. Когда мама услышала об этой идее, срочно заказала новые обои. Всю мебель из комнаты вынесли, остался только одинокий голубой диван, на котором мы и спали.

Папа Н подарил нам телевизор. Пришел, чтобы лично повесить дорогую технику на кронштейн, и стал сверлить стену. Не знаю, как так вышло, но сверло прошло насквозь, в комнату к моей сестре. Сестра в этот момент мирно делала уроки и очень испугалась, увидев, что кто-то хочет проникнуть на ее территорию.

Глава 10. Пара затяжек

Меня тревожило пристрастие Н к алкоголю, я мучилась от его вспыльчивости и ревности. Мама стала замечать, что Н приходит пьяный, слышала, как мы

ссоримся. Я сама становилась нервной и беспокойной.

Мне было страшно признать, что N алкоголик. Он пил каждый вечер. И врал. Приходил домой и врал. Я понимала все с полуслова и с полувзгляда. А еще по запаху. Я даже могла сказать, что именно он пил.

Поначалу, видя мое огорчение, N вставал на колени и просил прощения. Этот пафосный жест, повторяющийся из раза в раз, стал вызывать у меня отвращение. Каждый раз N уверял меня, что это был последний. Я верила, прощала. И скоро он снова вставал на колени, зная, что этот ритуал сработает.

Я никому не говорила о своих переживаниях. Но близкие стали замечать, что со мной что-то не то. Меня нельзя было назвать истеричкой. Но накопившаяся внутри боль стала проявлять себя.

* * *

И по праздникам, и без повода студенты Щепкинского училища любили гулять на Трубной улице. Там был небольшой сквер и скамейки. На этих скамейках все и располагались.

В один из вечеров мы пошли туда с N и его двоюродным братом. N был сильно пьян. Рядом, через пару скамеек, гуляли мои однокурсники. У N закончились сигареты, и он направился в сторону ребят, чтобы стрельнуть. Я пошла следом.

Студенты хлопали по пустым карманам, мол, нет сигарет, закончились. N смотрел на них мутным взглядом в надежде все-таки найти табак. Рядом с N стоял Дима Олейник и докуривал свою сигарету.

– А у тебя что, тоже нет сигареты?

– Нет. Последняя, – ответил Дима.

Повисла пауза.

– Хочешь, возьми. Тут осталась пара затяжек. – Дима протянул N свою сигарету.

N уставился на Олейника немигающим пьяным взглядом. Оскорбленный этим предложением, N полез драться. Подоспел двоюродный брат и попытался оттащить родственника.

Потасовка продолжалась, и, чтобы как-то отвлечь внимание N, я закричала что есть силы:

– Лошади! На вас лошади бегут!

Лошади и правда бежали, но не на них, а по тротуару на другой стороне улицы. Отвлекающий маневр сработал, драка остановилась. Брат вызвал такси, я успокоила N, и мы поехали домой.

На следующий день N сокрушался из-за произошедшего. Он подошел к Диме Олейнику, игравшему тихонько на гитаре и попросил у него прощения.

* * *

Мы были дома, очередной скандал.

Драки стали нашим обычным делом. N зарядил мне в глаз. Я вцепилась ему в лицо и расцарапала его как могла. Вдруг N схватил мою голову руками и испуганно сказал:

– По ходу, сильно ударил, малыш.

В запале я не сразу почувствовала, что с моим глазом что-то не то. Побежала в ванную посмотреть в зеркало. Верхнее веко окрасилось в темно-синий цвет. Я сначала подумала, может, это тушь так растеклась. Нет, это был знатный фингал. Пьяный, в приступе ревности, N не понимал, что творит. Он, действительно, был напуган и убежал за льдом.

Мы лежали на голубом диване, я держала у глаза замороженную котлету, N извинялся и гладил мне волосы:

– Я не хотел, прости.

- Был бы трезвый, не ударил.
- Малыш, две бутылки пива не в счет.
- Не две, а четыре.
- Ты тоже молодец. Мне завтра на пробы, все лицо расцарапано.
- Ага...
- Ты кому-нибудь будешь рассказывать, откуда фингал?
- Нет. На втором глазе нарисую такой же, все подумают, макияж.
- С царапинами так не получится.
- Мне все равно.

Обнявшись, мы уснули.

Глава 11. Старый вонючий диван

Ночь. В комнате горит свет. Я лежу на старом диване, который насквозь провонял мочой. Мой ненаглядный подарил мне кровожадную собаку, которая постоянно писает на наш диван. Запах ничем не выводится. И я лежу и нюхаю. И мне почти все равно.

* * *

Н заходит в комнату, пытаюсь спрятать лицо. Но я сразу понимаю, в чем дело. Крик, а точнее, вой наполняет пространство. Низкий, некрасивый, страшный вой. Вой животного, которое давно мучается от нестерпимой боли. Это животное – я.

Меня хватают и тащат в ванную. Струи холодного душа бьют в лицо. Вода попадает в нос, я захлебываюсь. N пугается и отпускает меня.

Я смотрю в его мутные глаза и вдыхаю запах перегара. Какая мерзкая, пьяная рожа. Фу. Меня начинает тошнить. Тошнить водой, которой я наглotalась.

– Ненавижу тебя.

Я говорю, зная, что за этим последует. Удар в глаз. Я тут же получаю удар в глаз. Боли почти не чувствую. Мне становится смешно. Я смеюсь громко, раскатисто, от души.

Мокрая, с кровавым глазом я валяюсь на полу. Смех снова перерастает в вой. Нервы N не выдерживают.

– Б...дь, ты успокоишься или нет?!

– Вали отсюда! Ты достал меня! Я не хочу тебя больше видеть! ОТ-ВА-ЛИ от меня! Я тебя НЕ ЛЮБЛЮ! Ты мне не нужен! Вали на хер отсюда!

– Ты никуда от меня не денешься. Даже не пытайся. Считай, ты попалась.

От этих слов становится страшно. N поднимает меня с пола и несет в комнату.

* * *

Он сажает меня на обоссанный диван. И так, я в зрительном зале. Представление начинается.

N начинает крушить комнату.

За поступление в театральный родители подарили мне нетбук. Нетбук дорог мне. N это знает, но его это не волнует. Он хватает устройство и со всей дури швыряет об стену. Больше нетбука у меня нет.

– Ненавижу тебя.

– Сука.

N срывает со стены новый плазменный телевизор. Телевизора у нас тоже больше нет.

* * *

Ах, N!

А ведь я была очарована.

* * *

Я была очарована его легкой небритостью, большими синими глазами, шрамом над бровью. Он ходил в кожаной куртке и пил виски из горла. Я любила его мотоцикл и запах духов. Мне нравилось, как он держит сигарету. Как подносит огонь к лицу.

Он курил «Marlboro» красный.

Глава 12. Маленькая уродина

Этот вечер был необычайно нежным. Едва уловимые запахи приближающейся зимы дарили ощущение скорого праздника.

Сделав последнюю затяжку, я потушила сигарету о край пепельницы и закрыла форточку. Мелкая крупа за окном становилась первым снегом, радуя сердца прохожих.

В свете уличного фонаря появился знакомый силуэт. Это был N. Ворот его пальто был поднят, лицо спрятано в шарф. N спешил ко мне, держа за пазухой букет. В другой руке он нес перевязанную бечевкой коробку со свежими пирожными.

– Мой дядечка идет!.. – воскликнула я, закрыла форточку и вспорхнула с подоконника, заметая следы преступления. Знаю ведь, что будет ругаться за сигарету. Но он так красиво курит, что мне хочется так же! Вот я и тренируюсь. Да, так ему и скажу.

Я звала N дядечкой. Любила забраться к нему на колени, спрятаться в горло свитера и шептать: «Дядечка!.. Дядечка... Ты мой дядечка». Это были моменты любви. Нашей маленькой, уродливой, но все-таки любви.

* * *

На Новый год мама подарила мне кошелек. Внутри – 10 тысяч рублей. Эти деньги N сразу забрал себе, но поклялся вернуть. N любил пользоваться моими карманными деньгами, ему вечно не хватало на выпивку. Время шло, но деньги N так и не возвращал. И тогда он предложил взамен отдать мне свой планшет. Делать было нечего, я согласилась. Но моим планшет был лишь на словах. А вскоре N и вовсе разбил его в порыве гнева. Швырнул о стену лестничной площадки и растоптал.

На день рождения мама подарила мне айпад, мини. N радовался как ребенок! Айпад подарили мне, а он все приговаривал:

– У нас теперь есть планшет! Офигенно! Хорошая штука, мне пригодится для работы.

– Не у нас, а у меня. Это мой планшет.

N обиделся. Мы поссорились.

* * *

N был человек не подлый. Не злой и не жестокий. Он умел любить, быть добрым и преданным. Располагал к себе хорошим юмором и даже наивностью.

Но был у N друг, иуда, звался он алкогольный бес. Этот дьявол менял его до неузнаваемости, до злодейства. Он заставлял его бить меня и технику, мучить

близких людей.

Наутро после адской ночи (конечно, дьявол выбирал ночь) N мало что помнил. Он лишь понимал, что виноват, смотрел глазами побитой собаки и вымаливал прощение, повторяя одно и то же каждый раз:

– Этого больше не повторится!..

И каждый раз я верила и надеялась, что это действительно так. Но «это» повторялось из раза в раз. И все по одному сценарию, вытягивая из меня жизненные силы и любовь к этому человеку.

Много страшных ночей нам пришлось пережить вместе с N, и одна мрачнее другой. Но я бы не хотела, чтобы в глазах читателей N запомнился извергом.

Извергом была и я.

Я не умела быть мудрой, бесконечно была не права, и главное, я слишком часто давала пощечины этому мужчине. Может быть, будь рядом с ним другая, у него был бы шанс победить в схватке с алкогольным бесом. Я не справлялась.

Глава 13. Туфля за поворотом

Восьмое марта. Наши парни готовят для девочек сюрприз – капустник! Репетируют, своими силами организуют праздничный стол, бегают, суетятся. Мне очень хочется пойти на праздник. Но я не чувствую себя частью курса. Я чувствую себя частью N. А он совершенно точно будет против.

Надеваю куртку, закидываю рюкзак на плечи и грустно собираюсь домой. Выхожу на крыльцо старинного здания, там всегда курит толпа студентов. Тут меня окликает мой однокурсник:

– Ань, ну ты куда пошла? Мы вообще-то праздник готовим.

– Я не могу...

– Это как получается, мы старались, а ты не можешь! Нехорошо.

– Но...

– Ничего не знаю! – Однокурсник бросает бычок в урну, берет меня за плечи и разворачивает. Я нервничаю, вдруг N где-то рядом и видит этот жест.

* * *

Туалет. Я звоню N:

– Привет, дядечка. У нас мальчики капустник приготовили, я останусь, ладно? Ну не злись, дядечка! Они старались. Все девочки остаются. Нет-нет, мне с тобой очень хорошо! Просто...

N бросает трубку. Следом приходит смс: «Я за тобой сам приеду. Жди». В эту секунду мне захотелось разбить зеркало, висящее над раковиной. От злости и беспомощности. От ощущения удушки на шее.

Но я достаю из рюкзака косметичку и крашу губы. В красный цвет! Может, это поможет быть смелее.

* * *

Начался капустник. N был уже в пути, а когда приехал, я была еще в зале. Он сказал, что будет ждать меня у себя в каптерке, а когда поздравление закончится, мы поедем домой.

Я ощущала себя воздушным змеем. Вроде могу лететь, но только на веревочке в руке у хозяина.

Капустник подошел к концу. За ним следовала вечеринка и застолье, но туда я пойти не могла. Из аудитории пахло шпротами и вином. Мне так хотелось

остаться! Я чувствовала в себе смелость на это, но N уже ждал. Мимо прошыгнул однокурсник с подносом в руках и со словами:

– Мадемуазель, милости прошу к нашему шалашу! – подтолкнул меня в аудиторию.

– Ань, оставайся!.. – шептали девчонки.

Решилась написать N смс: «Хочу остаться на застольную часть. Подождешь?»

Ответ: «???!!!»

Я: «Пожалуйста, дядечка!»

Ответ: «Я приду за тобой ровно через час. В какой вы аудитории?»

И я осталась.

* * *

Ребята постарались. Организовали стол, потратив стипендии, надели рубашки, включили музыку. Скромный студенческий праздник. Сначала мы играли в какие-то викторины, потом начались танцы. Разумеется, я не танцевала, а сидела в углу у батареи. Вдруг кто-то торжественно сказал:

– Медленный танец!

Мне показалось, я услышала мужской шепот:

– Махлину пригласите кто-нибудь, ребят!..

Я уже было хотела проскользнуть к выходу, как ко мне подошел староста и пригласил танцевать. Видимо, как староста, он взял ответственность «потанцевать со странной девочкой» на себя. Мы потоптались секунд тридцать на расстоянии вытянутых рук. За это время меня прошибло холодным потом от мысли, что N про это может узнать. Староста отошел в сторону, а на его месте

тут же появился пухлый и неугомонный Дима Олейник, он меня жутко раздражал. Пришлось танцевать и с ним. Олейник был смелее и пытался сократить пространство между нами. Я сопротивлялась и смотрела куда-то вбок.

– Махлина. Чтоб ты знала. Я считаю, ты самая красивая девочка на курсе, – заплетающимся языком произнес Дима. Я смутилась, не поверила, но ответила:

– Спасибо.

Мне показалось, что в приоткрытую дверь аудитории кто-то подсматривает.

* * *

Танец закончился. Я схватила рюкзак и выбежала из аудитории. За дверью стоял Н. Он больно взял меня за плечо и поволок к выходу. Мне стало страшно, я выдернула руку. Н был в гневе и ударил меня по лицу. Это увидел студент в коридоре и крикнул:

– Эй, ты что делаешь?

– Пошел на хер отсюда!

Н поволок меня дальше, на улицу. словно куклу, на глазах у всех. Дыхание перехватило от ужаса. От ужаса я не могла кричать. Как в страшном сне, глотала беззвучно воздух.

Я стала падать, чтобы вывернуться. Колготки рвались, а коленки стирались об асфальт. Центр Москвы, кругом горят вывески ресторанов, играет музыка. А меня тащат как овцу на убой.

Мы были уже у метро. Где-то за поворотом осталась лежать моя туфля. Н встряхнул меня и поставил перед собой. Я увидела его глаза и вдруг поняла, как мне тошно в них смотреть. Я чувствовала себя плохой и гадкой. Мне хотелось убежать. А он держал. Крепко держал.

– Пусти меня, я прошу. Я хочу домой.

– Успокойся, а?! Мы едем домой!

– Я хочу домой одна. Без тебя.

– А еще чего ты хочешь?!

Внезапно я закричала:

– Пустиииии!!! Пустиииии!!!

Я кричала громко, с надрывом. Как самая мерзкая истеричка. Люди оборачивались. Из ларька с шаурмой вышли повара, чтобы посмотреть на шоу, подтянулись местные бездомные и выпивохи. N растерялся, он еще не видел меня такой. Откуда ни возьмись, к нам подлетел молодой мужчина с велосипедом на плече. Он кулаком ударил N в нос и крикнул мне:

– Беги!

N схватился за лицо. Я побежала. Ворвалась в стеклянные двери метро, пробила талон и побежала вниз по эскалатору. Спустилась к перрону и поняла, что не могу. Не могу оставить N. Мужчина, который разбил ему нос, стоял рядом со мной. Я увидела, как N бежит с эскалатора. Все лицо у него было в крови.

– Уезжайте, пожалуйста! – крикнула я мужчине.

– Да ладно!..

– Уезжайте, я прошу вас!

– Да не кипишуй!

N налетел на мужчину с велосипедом, началась драка. Я кинулась оттаскивать N, а через минуту рядом была полиция.

* * *

Мужчина с велосипедом успел запрыгнуть в вагон и уехать. А нас с N забрали в отделение. Мы оба были в крови, я в драных колготках и одной туфле.

В отделении N посадили за решетку, а меня рядышком, на стульчик. Мы ждали «Скорую», потому что N подозревал у себя перелом носа.

Я написала папе сообщение, кратко рассказала о случившемся. Получила ответ: «Буду через час».

«Скорая» осмотрела нос N. Перелома не оказалось. Мы все сидели, отвечали на какие-то вопросы и ставили подписи.

– Отпустите нас, – просила я.

– С чего это вдруг?

– Пожалуйста, мы домой поедem.

Приехал папа вместе с братом, моим дядей. Они как-то договорились с полицией, и нас отпустили.

* * *

До конца первого курса оставалось пару месяцев. Моя ситуация была катастрофичной: я не выходила на сцену. Пряталась на последнем ряду зрительного зала. Кроме того, я снова заваливала сессию, и преподаватели теории хором отправляли меня на пересдачу.

Педагоги по актерскому мастерству дали нам задание: наблюдение за предметом. Кто-то изображал стиральную машину, кто-то бочку, кто-то колпачок от ручки. Моя заготовка – баскетбольное кольцо.

Задание было выполнено, я много раз репетировала дома. Но на сцену так и не вышла.

Со словами:

– Похоже, ты профессионально непригодна, – педагог намекнул, что я на грани отчисления.

Глава 14. Рита и другие чудеса

В каптерку залетает однокурсница:

– Девчонки! Все! Пойдемте со мной! Там телевидение приехало! Нужны девочки!

– Это кастинг какой-то?

– Сама не знаю! Они толком не говорят! Думаю, что-то классное. Пойдемте скорее!

Мы прихорошились и вышли на улицу. Там нас ждал оператор с камерой и его ассистентка.

– Девочки, ничего делать не надо. Просто по очереди подходим, фотографируемся, и вы свободны.

Странно как-то! Щелк, щелк. Готово. Мне показалось, я вышла неудачно. Ну ладно. Мы вернулись в институт.

* * *

Наступило время самостоятельных этюдов. Для того чтобы этюд состоялся, нужно было позвать кого-то к себе в компанию. Или чтобы кто-то позвал тебя. Меня никто не звал, потому что я странная и сижу на последнем ряду.

Чтобы я сама кого-то позвала – ни за что! Я прекрасно понимала, что никто из однокурсников не захочет со мной работать. Может быть, это было не так, но это убеждение не давало мне предложить кому-то свою идею. Смелости не хватало услышать отказ.

– Аня. Давай вместе сделаем этюд.

Ко мне подошла Рита. Та самая Рита, с которой у меня был конфликт из-за платья. Я не поверила своим ушам!

– Хорошо, давай.

Рита предложила этюд: дети собираются на прогулку в детском саду. Я придумала себе образ медлительного мальчика в колготках и кепке, который все время зовет маму и у которого полный нос соплей.

На следующий день, надев костюмы и подготовив реквизит, мы ожидали за кулисами. Педагог готовилась смотреть с особым вниманием: Аня Махлина чуть ли не первый раз за год выходит на сцену.

До выхода на сцену – страшно. А когда действие начинается – нет. Остаются восторг, трепет и свобода. То, что я не могла позволить себе в жизни, но на что обретала право на сцене.

Мой мальчик выпускал из ноздри огромный сопливый пузырь. Зал хохотал. Педагог улыбалась и прищуривала глаза из-под очков. Этюд получился! На моем счету появился первый балл.

* * *

Скоро Рита предложила еще один этюд. Мы хорошо сработались в первый раз и общались так, словно раньше и не было никакого конфликта.

Этюд номер два был про двух сестер. По замыслу, они готовили кулич и красили яйца к Пасхе. Рита была старшей, я младшей. В этот раз мне не терпелось оказаться на сцене.

И снова этюд вызвал одобрение педагога! Она отметила, что у меня хорошо получаются детские образы.

Еще через пару дней Рита собрала целую команду девочек. По сюжету, совершенно разные женщины собрались у двери начальства в ожидании собеседования на новую работу. Я придумала себе образ нервной еврейской девушки. Она картавила, носила клетчатый берет, огромную кожаную сумку и очки в роговой оправе.

Я выкрикнула со сцены свою вымышленную фамилию:

– Киммельманберг!

Педагог громко рассмеялась. Этюд закончился.

– Аня, молодец. Персонаж интересный, объемный и острохарактерный. Ты нашла зерно роли. Очень смешно. Молодец, молодец!

Я не верила своим ушам! Третий подряд успешный отрывок.

* * *

Под конец года благодаря Рите я успела проявить себя. Но это не значило, что мне больше не грозило отчисление. Ребята работали весь год, доказывая педагогам, что те не ошиблись, выбрав их из тысяч других желающих. В сравнении с этим моя работа была ничтожна. И все эти этюды были показаны лишь одному педагогу, а у нас на курсе их было шесть. Остальные педагоги оставались в неведении, что я наконец-то вышла на сцену.

С первого курса всегда (или почти всегда) кого-то отчисляют. Мы уже знали, что так будет и в этот раз.

* * *

Наступил день отчисления. Ребята ходили сосредоточенные, мрачные, морально готовясь к самому худшему. Никто не был уверен, что станет студентом второго курса. Общее настроение было подавленным.

Педагоги собрали нас в первой аудитории. Они расположились за столами на сцене, студенты сели в зрительный зал.

– Сейчас мы будем диктовать оценки по актерскому мастерству, которые вы заработали за этот год: «отлично»; «хорошо»; «удовлетворительно»; «неудовлетворительно». «Неудовлетворительно» означает, что мы с вами расстаемся. Начнем.

Фамилии перечислялись в алфавитном порядке. Уже на букве Б все хорошо ахнули от оглушительного «неудовлетворительно». Послышались всхлипы. Девочки прятали слезы, закрывая лицо ладонями, парни хватались за голову и сжимали челюсти, играя желваками. Всхлипы перемешались с радостными и облегченными возгласами. Для кого-то этот день стал трагедией, а для кого-то счастьем. Я сидела, дрожа всем телом, с пересохшими губами и пониманием, что это последние минуты, когда я еще студентка театрального института. «Неудовлетворительно» получали даже те, кто старался проявить себя. Я потеряла надежду. Список подходил к букве М, и я видела, как однокурсники бросали на меня сочувствующие взгляды.

– Махлина.

Повисла пауза. Педагог оторвала взгляд от листа, сдвинула очки и, посмотрев на меня, сказала:

– Удовлетворительно.

Мурашки табором пробежали по моему телу. Я вскрикнула от радости. Со всех сторон ребята стали толкать меня в плечи кулаками. Не исключили! Не исключили! Не исключили!!!

* * *

Было невозможно смотреть на отчисленных ребят. Сначала они сидели в креслах неподвижно, кто-то плакал, кто-то смотрел в одну точку. Наш молодой педагог, который недавно бросил курить, не выдержал и пошел на улицу за сигаретой. Это было очень тяжело. Прощаться с теми, с кем бок о бок ты провел целый год.

* * *

Я хотела просто погулять в одиночестве. Времени было много, я спустилась в метро. А потом медленно брела по эскалатору, это был переход на станцию метро «Лубянка».

И вдруг... Резко останавливаюсь в недоумении. Человек сзади чуть не сшиб меня с ног.

Я думала, что это происходит не со мной, мне казалось, что это сон, что это невозможно!.. Я не могла поверить! Это был сюрприз! Чудо! В тот момент, когда я так в нем нуждалась!

«АНЯ ИЗ ЩЕПКИ – ТЫ ОСОБЕННАЯ!» – гласил рекламный баннер с моей огромной фотографией, висящий на стене метрополитена.

Оказывается, в тот раз девочек приезжал фотографировать телеканал «Ю». Телеканал ездил по вузам Москвы и отбирал лица студенток, чтобы сделать сюрприз. Волшебство какое-то.

* * *

Я совсем не виделась со своими школьными друзьями. Н был против. И тогда я решилась на преступление.

Глава 15. За такое не прощают

Бегу. Грохочет гром, босоножки полны воды. Спотыкаюсь, растягиваюсь на асфальте – коленки в кровь. Поднимаюсь, бегу дальше. Это побег! Я чувствую себя бандиткой. Н уже бросился в погоню. Мой телефон – у него.

Удар молнии. На остановке меня ждет друг. Тот самый, что должен был уехать в армию, одноклассник. Я опаздываю на два часа! И уже слабо верю, что парень дождетя меня. Наверное, думает, что мне не удалось вырваться.

Вижу его фигуру! Подъезжает троллейбус, фигура друга скрывается. Кричу с другой стороны дороги:

– Стой! Я бегу! Бегу! Подожди!

Я боюсь, что сейчас он сядет в троллейбус и мой побег сорвется. И встреча с одноклассниками тоже. Бросаюсь на шоссе, машины сигналият, бегу и кричу, что есть силы. Друг замечает меня и в последний момент спрыгивает со ступеней троллейбуса.

* * *

N рассказал о случившемся своему отцу. Тот меня еще никогда не видел, но просил передать, что за такое не прощают.

Глава 16. Анапа, Машенька

Летом я поехала в Анапу вместе с N и его семьей. У N была младшая сестра Машенька. Машеньке было 14 лет. Ласковая, нежная, красивая как ангел, с низким, словно простуженным голосом. Машенька была особенной. Она воспринимала мир иначе. Но о ней говорили – ребенок с умственной отсталостью.

Для меня Машенька была необыкновенной девочкой с удивительной картиной мира. В ее глазах всегда читалась какая-то тайна, загадка. Словно она что-то обо всех нас знает, но молчит.

Мы поехали в Анапу на машине. За рулем был отец N. Отец и сын были очень похожи внешне. Высокие, красивые, синеглазые. Но схожесть была не только внешняя.

Папа N не злоупотреблял алкоголем, но также имел проблемы с психическим здоровьем. Его внезапные приступы гнева и агрессии пугали меня. Рядом с Машенькой он становился мягким, смотрел на дочь с глубокой сердечной болью

и рассеянно улыбался. Ко мне относился приветливо и, казалось, забыл о побеге. А может быть, N и вовсе ему ничего не рассказывал.

Мы ехали по трассе, и мужчине не понравилось, как другой водитель обошелся с ним на дороге. Визг тормозов, наша машина подрезает автомобиль обидчика.

N и его отец, не стесняясь в выражениях, одновременно открывают двери и выходят из салона. Машенька плачет от страха, прижимается к маме. Она уже знает, что сейчас будет. Хрипловатым голосом повторяет:

– Не надо, не надо, не надо!..

Свирепеющие отец и сын открывают багажник, достают обрезок арматуры, дубинку и направляются к водителю другого автомобиля. Бить его. А там мужчина средних лет, в очках. Побелевший от страха, прикладывает ладонь к груди в знак извинения. Но им этого мало. N стучит ему в окно и угрожает, отец, размахивая дубинкой, ходит вокруг «Форда».

– Может, хватит, а? – кричит в окно мама N. – Маша плачет!

Услышав это, мужчины возвращаются в машину.

* * *

В Анапе у нас с N случился расцвет отношений, романтический период. Я была изолирована от всех, к кому можно было ревновать, и N был спокоен. Когда его идеальному миру ничего не угрожало, он не нуждался в алкоголе. В Анапе N стал веселым, легким в общении, заботливым и счастливым. И мне было хорошо с ним.

* * *

В один из дней N и его отец поехали в шиномонтаж устранить неполадки в машине.

Мы остались с мамой N на террасе, пить вино. Выпив по бокалу, разболтались. Со всей искренностью женщина говорила мне:

– Я люблю мужа. Люблю сына. Но мой тебе совет – беги, пока не поздно. Иначе, как я, всю жизнь просидишь на цепи. N – копия своего отца. И тебя ждет такой же расклад.

* * *

Вечером я вышла в сад. Он располагался под окнами дома, который мы арендовали на время отдыха. Медленно прогуливаясь, я была погружена в грустные мысли об N, вспоминая слова его матери.

Перед смертью, за несколько дней, наступает улучшение. Так было и у нас с N. Близилась катастрофа. А я уж было поверила, что у нас все может быть хорошо... Слова его мамы оглушили меня и дали понять, что улучшение – лишь временное явление, которое закончится ровно тогда, когда мы вернемся в Москву.

Я все бродила, тоскливо встречая вечер среди высоких зарослей. Вдруг откуда-то появилась Машенька. Завидев меня, она радостно улыбнулась и низким грудным голосом произнесла:

– Аня!..

Я улыбнулась ей в ответ, помахала рукой. Оказавшись рядом, Машенька заглянула мне в глаза, нахмурила бровки и крепко сжала мою руку. Эта девочка всегда все чувствовала. И в этот раз она, как антенна, словила мою частоту.

– Все хорошо, Машенька. Не переживай.

Мы пошли к дому. И Маша не отпускала меня, пока мама не забрала ее в комнату готовиться ко сну.

Удивительная девочка. Мы с ней очень подружились.

Глава 17. Орать до хрипа

– Отпустите! Отпустите! Мама! Мамааа! Мама!!! Помогите! Помогите!!!

Два санитаря скрутили меня и пытаются сделать укол. Я вырываюсь и ору. Ору до хрипа, до посинения. За входной дверью стоят соседи.

* * *

Под моими ногтями кровь и кожа. Кожа несчастного санитаря, который пытался мне помочь. Я лежу все на том же вонючем диване и смотрю, как молодой медбрат складывает инструменты в свой рыжий чемоданчик. У парня расцарапано лицо. Мне стыдно. Но я совершенно не помню, что произошло.

– Простите.

– Заживет.

* * *

«Скорая» уехала. Пьяный N лежит в одежде и беспробудно спит. О, этот запах!.. Запах пьянства.

Ставлю ноги на пол, ищу голый ступней тапочку. Не нахожу. Босиком иду в ванну. Иду медленно, переступая через пятна крови, обломки техники, осколки, бычки, кухонные ножи. Что же произошло... Я не помню. Не помню.

Подхожу к ванной комнате. Включаю свет. Господи, неужели это я? Мое отражение меня пугает. Один глаз меньше другого, нос разбит. Нос разбит... Кто это сделал?

Память вспышками восстанавливает события того вечера.

* * *

Н снова пришел пьяный. И я снова ждала его на обоссанном диване. Тупо пялясь в потолок.

Пришел. Сейчас будет врать, что не пил. Смешно! И мерзко. Ненавижу.

Я выбегаю в коридор, лечу мимо только что вошедшего Н, выдвигаю ящик и достаю кухонный нож.

– Стой, дура!

Н перехватывает мою руку, отбрасывает нож. Берет с полки коньяк, пьет из горла. Новая волна гнева и истерики заставляет меня орать:

– Ты меня мучаешь!!! Ты это понимаешь?! Мучаешь!!!

Н ухмыляется, закручивая крышку стеклянной бутылки. Я хватаю со стола тарелку и бью ее об пол. Н вынимает из кармана телефон и тоже разбивает его о кухонную плитку. Пауза. Вот тут-то я и разбиваю себе нос. Кулаком, сама. А потом тьма, ничего не помню.

* * *

Следующая вспышка.

Мне холодно и страшно. Я сижу на галошнице в прихожей, зарывшись в куртки, висящие рядом на крючках. Меня колотит озноб. Я раскачиваюсь вперед-назад и хриплым шепотом твержу одно и то же:

– Мама, мама, мама, мама.

Н снимает меня на камеру. Звонок в дверь, приехала «Скорая». Лицо санитаря пока еще невредимо.

Дальше пустота.

Глава 18. Роль «Шлюха»

Наступил день расставания.

Я на сцене. Роль «Шлюха». Грим, драная шуба, юбка максимально короткая, колготки сеточкой, на голове парик. И не просто парик, а парик, имитирующий лысину. Лысая шлюха в мини-юбке в свете прожектора. Идет репетиция учебного отрывка.

В аудиторию врывается N, ставя меня в неловкое положение перед однокурсником:

– Закругляйся.

– Нет, N. Я репетирую. Можешь ехать домой.

– Подойди ко мне.

Решение расстаться было принято в секунду. Год душевных терзаний, а тут все решил один хладнокровный миг. В тот самый миг, перед тем как сказать «хорошо», я поняла, что не люблю. Да, вот так просто.

– Хорошо.

Я извиняюсь и спускаюсь со сцены. N, как всегда, демонстративно целует меня, чтобы сомнений, что «она моя», не оставалось.

Мы уходим. Остановившись, я смотрю в глаза N и спокойно, без надрыва говорю:

– Я больше не хочу быть с тобой.

Пауза. Все не как всегда, и мы оба это понимаем.

– Ты шутишь?

– Нет.

– Ты так легко об этом говоришь, как будто нас ничего не связывает. Я не верю тебе.

– Не нужно меня трогать. Убери руки.

– Да подожди ты!

– Все, N! Убери руки!

– Что ж ты за тварь. Я тебя люблю.

– Хватит, мне противно это слышать!

Я пытаюсь убежать, но N хватается меня и выносит на улицу. Там уже темно. Мы останавливаемся недалеко от института, под высоким фонарем на углу старинного здания. Я облакачиваюсь о водосточную трубу. Холодно, скоро зима. Но мне не хочется застегивать свою драную шубу. N делает это за меня, после чего подносит огонь к лицу и закуривает сигарету. Раньше я так любила этот момент...

Идет снег. N смотрит на меня своими огромными синими глазами. Его губа дрожит, он хочет что-то сказать, но не может. Молчит, делает крепкую затяжку и говорит неровным, сжатым хрипом:

– Не надо...

Мне становится жаль его. N срывает с меня парик, хватается за лицо, трясет, кричит бессвязно слова... Я плачу, отмахиваюсь и говорю что-то резкое.

Последнее, что я скажу, будет:

– Все, N! Все. Все.

Вырвусь из его крепких рук, со всех ног побегу в институт и как ни в чем не бывало продолжу репетицию. Между нами все кончено.

Глава 19. Бэтмен

Рука была прокутана до мяса. Из рваной раны хлестала кровь, оставляя на линолеуме бордовые пятна. Пахло железом. Пес загнал меня в угол комнаты, готовый броситься, чтобы кусать еще и еще. Я раскручивала поводок, отпугивая свирепое животное железным карабином.

* * *

В память об N у нас осталась кровожадная собака по имени Бэтмен. Я мечтала о щенке джек-рассела, и N подарил мне его. Очень скоро милый щенок превратился в огромное животное весом более сорока килограммов, с массивными челюстями и мертвой хваткой. Бэтмен держал в страхе всю семью. У нас в квартире почти год жило чудовище, в любой момент готовое разорвать любого из нас.

Бедный пес был неизлечимо болен. А еще он справлял нужду на диван, сидел с нами за обеденным столом, бросался на стены, ел бритвенные станки... Это существо – последнее, что связывало нас с N. После расставания Бэтмен остался со мной. Как болезненное напоминание о каком-то несчастье.

Глава 20. Вдыхать дым глубоко

– Ань, пойдем в бар. Выпьем пива.

Я согласилась. Рита тоже недавно рассталась с парнем. Только она переживала по этому поводу, а я радовалась.

Рита была необыкновенная красotka. Грива густых вьющихся каштановых волос, красивая фигура и выразительное лицо. Она всегда модно и дорого одевалась. Рядом с ней я смотрелась пигалицей и, как мне казалось, лохушкой.

Бар был в самом центре Москвы, в двух шагах от нашего института. Перед тем как там оказаться, мы зашли в самый дорогой продуктовый магазин в столице и купили вяленых томатов на развес. У меня деньги не особенно водились, Рита угощала.

В баре было шумно. Мы взяли по стакану пива и вышли на веранду. Сели на бордюр перед ЦУМом и стали есть вяленые помидоры.

– Так вкусно, невозможно!

Я пробовала эту закуску первый раз в жизни. Оливковое масло блестело на губах и пальцах, Риту забавляла моя гастрономическая радость.

– Пиво пей! – напомнила она.

Мы доели помидоры, опустошили пластиковые стаканы и закурили. У меня кружилась голова, раньше я курила изредка, ради баловства и не в затяг, Н не разрешал. А теперь я могла выкурить хоть всю пачку и вдыхать дым так глубоко, как хочу.

Вечерняя Москва пестрела огнями, рекламные баннеры сменяли друг друга и завораживали. Люди на дорогих автомобилях парковались возле ЦУМа, роскошные женщины в мехах ходили по мокрому асфальту, стуча каблуками и гордо подняв головы.

Внизу, на бордюре, сидели мы. С пустыми пластиковыми стаканами из-под пива. Я любовалась на этих странных женщин, таких гордых, недоступных и идеальных, как с обложки журнала. Я чувствовала себя неловко, а Рите было все равно. Через несколько лет она станет одной из них и тоже будет ходить под руку с важными мужчинами, а сейчас в ней были огонь, свобода и безуминка во взгляде.

– Пойдем еще пива купим.

– Нет у меня денег, Рит. Хватит меня угощать.

– Я тебя не буду угощать. Тебя угостит кто-нибудь другой.

Мы зашли в бар. Гремела музыка, все столы были заняты, мы сели за стойку. Рядом присел какой-то мужчина:

– Угостить, девчонки?

– Да, нам, пожалуйста, текилы.

– Будет сделано.

Официант принес нам стопки, соль и ломтики лайма.

– Так просто? – прокричала я в ухо Рите, но она все равно не услышала и просто довольно качала головой в такт музыке.

Мужчина показал мне, как пить текилу. Я капнула соком лайма на ложбинку между пальцами, насыпала соль, опустошила стопку и облизала руку. Мир вокруг меня поплыл. Рита была уже где-то на танцполе, а я осталась за барной стойкой. Мужчина тоже выпил текилы, взял мою руку и слизал с нее остатки соли. Потом он сказал мне замереть, достал ручку и стал что-то рисовать на салфетке.

Мне надоело, и я пошла искать Риту. В тесной толпе невозможно было ступить и шагу, кто-то хватал за руки, пытаюсь пригласить за свой столик или потанцевать. С трудом я пробралась к туалету. Он не был разделен на мужской и женский. Но там было пусто и не так душно. Я достала косметичку, чтобы поправить макияж. Дверь открылась, в туалет зашел какой-то мужчина. Мне стало неловко, я быстро побросала в рюкзак свои вещи и направилась к выходу.

– Девушка, стойте. У вас помада размазалась.

– Ничего...

– Стойте, стойте, я поправлю.

Мужчина перекрыл проход и взял меня за лицо.

– Я помогу.

– Ой, не надо, я сама поправлю, спасибо.

Нахал попытался меня поцеловать, я стала выкручиваться. Вдруг дверь туалета распахнулась, на помощь пришла Рита. Мы выбежали из туалета и направились к выходу. Мужчина, что был за баром, успел сунуть мне в карман салфетку. Потом я увидела, что на салфетке был нарисован мой портрет.

Наконец-то мы оказались на улице. Мне хотелось скорее домой, смыть с себя все воспоминания этого вечера. На веранде заведения тоже толпился пьяный народ. Кто-то присвистнул и сказал:

– Цыпы, идем к нам!

Рита резко обернулась и показала средний палец свистевшему. Прошла секунда, отморозок плюнул в нее. Рита медленно стерла с лица слюну, посмотрела на свои пальцы в мерзкой слизи и... кинулась на мужчину. Он одним движением руки оторвал ее от себя и швырнул на пластиковый стол. Стол перевернулся, Рита тоже, я кинулась к ней. Заварушка продолжилась без нас.

Мы сидели все на том же бордюре напротив ЦУМа, Рита всхлипывала. Я не знала, как утешить подругу, и просто вытирала влажными салфетками ее лицо.

– Рит, он конченный урод.

– В меня никогда раньше не плевали!..

– Просто забудь...

Молчим. Курим.

– Ань, а поехали на выходных ко мне домой?

Рита была из другого города, в Москве жила в общежитии при институте.

– Не знаю. Долго ехать?

– Четыре часа на электричке, и мы на месте. Соглашайся, будет круто! Будет очень круто!

Рита повеселела, ее глаза снова загорелись.

– Мы что-нибудь такое придумаем, что ты запомнишь этот weekend навсегда!

– Ну... Давай!...

Глава 21. Несчастливая собака

Я была дома, гладила белье. Когда я отлучилась, чтобы добавить в утюг воды, на гладильную доску запрыгнул Бэтмен с жареной курицей в зубах. Он украл ее со сковородки, которая остывала на плите.

Пес зверски расправлялся с горячей добычей прямо на свежесглаженном белье, оно все было смято и в жирных пятнах. Я даже не удивилась тому, что Бэтмен решил съесть курицу именно на гладильной доске и как ему удалось запрыгнуть на нее, не перевернув.

Испугавшись, что пес обожжет себе пасть и наглотается костей, я попыталась забрать у него мясо. Бэтмен спрыгнул на пол, горячий утюг упал мне на ногу, я схватилась за ступню и стала прыгать на одной ноге, закусив губу.

– Бэтмен, ты охренел! – ругалась я.

Вдруг шерсть на животном встала дыбом. Пес смотрел на меня исподлобья. В ужасе я поняла, что сейчас его перекроет и ожидать можно всего что угодно. Выставив перед собой руки и пятясь в угол, я медленно и спокойно заговорила:

– Стой, Бэтмен, стой. Все хорошо! Ешь свою курицу, я тебя не трогаю.

Пес оставил еду и медленно шел на меня. Белки его глаз налились кровью, на ламинат капала слюна. От страха у меня закружилась голова, счет шел на секунды. В любой момент огромное животное могло наброситься.

Я была зажата в угол, под рукой не было никаких предметов, с помощью которых можно было дать отпор. Резко я метнулась в сторону коридора. Бэтмен схватил меня за штанину джинсов, я грохнулась на пол. Пес разорвал джинсы и, вертя головой из стороны в сторону, вгрызался своими острыми белыми клыками мне в ногу.

Я не чувствовала боль, но видела свою кровь на морде у собаки. На локтях, как партизан, я выползла в коридор. Бэтмен не отпускал. На галошнице лежал его поводок с тяжелым карабином. Чудом мне удалось вырвать ногу из пасти собаки. Я вскочила и стала раскручивать поводок перед собой, защищаясь от нового нападения металлическим карабином.

Бэтмен отпрянул. Он оценивал ситуацию, пытаясь понять, как ему избежать удара. Решив, что бояться нечего, он попытался броситься на карабин, но не тут-то было. Тяжелый предмет попал ему в глаз. Бэтмен заскулил и поджал хвост. Я испугалась, что удар получился слишком сильный.

– Бэтмен! Извини! Я не хотела!

Пес скулил, глаз был травмирован. Мое сердце сжалось от жалости. Это больное животное не могло контролировать приступы агрессии, и никакие гуманные препараты не могли их купировать.

В несчастной собаке было две сущности: добрый, очень умный пес и чудовище, жестокое и безжалостное. Предсказать, когда именно вторая сущность сменит первую, было практически невозможно. Сигналом к появлению чудовища мог сработать любой безобидный эпизод.

– Бэтмен, бедный, маленький! – Я подошла к псу и погладила его по голове. Он виновато смотрел на меня и скулил.

Вечером с работы пришла мама. Я рассказала ей историю, случившуюся днем. Бэтмен лежал у маминых ног и будто с интересом слушал меня.

Шокировав маму рассказом и видом своей ноги, я пошла на кухню приготовить чайный раствор, чтобы промыть Бэтмену больной глаз.

Нагнувшись к собаке с мокрым ватным диском в руках, я хотела прикоснуться к его глазу. Но не тут-то было. Бэтмен рассвирепел и в секунду прокусил мне руку. Я закричала. Прибежала мама и оттащила пса.

Вся моя рука была в крови. Пальцы дергались сами по себе, словно был задет какой-то нерв. В квартире начался переполох, мы щедро залили мне руку йодом и плотно перебинтовали. Я сидела на голубом, насквозь прописанном Бэтменом, диване и рыдала. Не от боли. А от безысходности.

Глава 22. Налейте Махлиной водки!

В тот день после пар мы отмечали день рождения однокурсника. Прямо на сцене были выставлены парты, покрытые одноразовыми скатертями, расставлен алкоголь и незатейливые закуски. Я бы не осталась на праздник из-за стеснения, но теперь мы дружили с Ритой, и она всегда могла меня уговорить. Моя левая рука была перебинтована после укуса Бэтмена. Я сидела в зрительном зале, а чуткие однокурсники наливали мне дешевое вино в пластиковый стакан и приносили бутерброды.

Весь курс узнал, что я наконец-то рассталась с N и теперь свободна. Многим было любопытно узнать, кто такая Аня Махлина. Ведь весь первый курс я не общалась ни с кем, и про меня мало что понимали.

Вино лилось и лилось. Я опустошала стакан за стаканом. Адреналина в крови было много, поэтому сильно пьяной я не становилась, так, слегка. И несмотря на это, я продолжала стесняться и сидеть в углу. Рита подскочила ко мне и, схватив за здоровую руку, стала вытаскивать на сцену.

– Ань, ну хватит, пойдем сфоткаемся.

– Рита, нееееет!..

– Пойдем, пойдем.

Рита вытащила меня на сцену.

– Ребят, сфоткайте нас!

Виновник торжества взял в руки Ритин телефон и сделал несколько снимков. Потом посмотрел на меня и улыбнулся. Но я же отмороженная, чуть не померла от страха. Эти чувства трудно понять тем, кто не страдает социофобией. Я решила собираться домой.

Не тут-то было. Меня взяли под белые ручки и вернули к столу. Кто-то прокричал:

– Ребят, вино закончилось!

– Налейте Махлиной водки!

– Ой, нет, я не хочу мешать.

– Пей, ничего не будет.

Я выпила стопку. И правда, ничего, кроме приятно разливающегося по телу тепла, я не почувствовала. Наконец-то алкоголь сделал свое дело, и я почувствовала себя свободнее.

Кто-то подошел сзади и взял меня за руку. Я обернулась, это был именинник.

– Ань, пойдем, покажу тебе нашу декорацию для этюда.

Именинник повел меня за кулисы. Как только мы скрылись за бархатной тканью, я хотела отметить, что тут ничего не видно и вряд ли мы сможем разглядеть декорации. Сильные руки прижали меня к себе, а губы нежно и несмело прикоснулись к моим. Я почувствовала жар, необыкновенное волнение и как

колотится его сердце.

У меня кружилась голова от понимания, что я наконец-то оторвалась от N и что теперь все решено безвозвратно и совершенно точно. Я свободна! И целоваться могу с кем хочу, как хочу, сколько хочу и когда хочу. И мы стояли за кулисами и целовались долго, жадно и страстно.

Кто-то отодвинул занавес и увидел нас.

– Ой. Ребята, пардон.

Нам было все равно. Руки именинника спустились ниже, я отпрянула и почему-то сказала:

– Ты придурок.

– Почему?

Оставив парня без ответа, я, счастливая, вышла на сцену.

* * *

Я вышла на сцену с жаждой свободы и с праздником в душе. Мне хотелось прыгать и кричать от радости. И курить! Я выбежала из аудитории во дворик, у выхода меня догнал другой однокурсник:

– Ты куда?

– Курить.

– Я с тобой.

– Сигареты есть?

– Нет. Стрельнем.

Мы сели на скамейку и закурили.

– Ты такая красивая.

– Спасибо.

– Вы расстались с N?

– Ага.

– Ты другая теперь.

Мы сидели и болтали. Я смотрела на парня и думала: какой же он классный. Добрый, смешной, талантливый! И почему раньше я не видела, что мои однокурсники ничем не хуже N? Мои щеки горели, волосы растрепались, помада после поцелуя размазалась, но было все равно. Я хохотала над шутками парня и не сразу заметила, что его рука лежит на моем плече. Пусть лежит! Мне от этого хорошо.

Мы болтали долго. Нас окликнул появившийся в дверях именинник:

– Ребят, я вас жду, у меня праздник вообще-то.

– Сейчас, идем.

Ребята вернулись в аудиторию, я пошла в туалет поправить макияж. Когда вышла, меня ждал именинник.

– Ты караулишь?

– Да. Чтобы ты домой не сбежала. – Он взял меня за здоровую руку.

Мы поднимались по лестнице, как вдруг из дверей аудитории вылетел разгоряченный и пьяный Олейник. Он увидел нас под руку с именинником, схватил меня за пояс и стал тянуть в другую сторону.

– Олейник, отвали! – смеялась я.

– Димон, не смешно, иди, куда шел. – Именинник не отпускал мою руку.

Из аудитории выглянули другие ребята.

– Что вы творите? – крикнул кто-то из хохочущих девушек. – Отпустите Махлину!

Меня отпустили, я зашла в аудиторию. Играла музыка, на сцене танцевали и кричали. В зрительном зале сидел парень, с которым мы недавно курили. Он жестом пригласил меня сесть рядом с ним. Я села. У него в руках было два пластиковых стакана с алкоголем – коктейль, известный как «мишки Гамми»: водка плюс сок.

– Держи, это тебе.

– Спасибо.

Через секунду в аудиторию влетел пьяный Олейник в черном пальто. Выцепив взглядом нас, шатаясь, он протиснулся сквозь ряды, уселся рядом, отобрал у другого парня стакан с «мишкигами», залпом выпил и положил голову мне на колени.

– Димон, ну что ты делаешь!.. – негодовал однокурсник.

– Свали! – ответил ему Димон.

– Ладно, я пошел. – Обиженный парень поднялся с места. – Ань, я тебя на улице жду.

– Хорошо.

Олейник так и лежал у меня на коленях. Я даже успела его рассмотреть. Он очень изменился после лета. Если на первом курсе он был пухлым почти еще ребенком, то сейчас похорошел: похудел, вытянулся, на месте пухлых щек появились красиво очерченные скулы. В нем появилось обаяние мужчины, а не мальчика, харизма актера французского кино. Я заметила, какие у него

красивые, музыкальные руки. На одной из них был надет серебряный браслет. И пах Олейник вкусными духами. Но бешенство и наглость в нем оставались все те же. Казалось, ему было по барабану, кто что думает, и никаких преград он не знал. Я заметила, что слишком долго его нюхаю, и попыталась встать. Олейник хотел меня удержать, а потом сам поднялся, вскочил на сцену и стал отплясывать в своем черном пальто. Я пошла на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mahlina_anna/an-chego-molchish-neostorozhnye-shagi-yunosti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)